

УДК 316.35:39 + 316.334:37
DOI 10.18522/2227-8656.2024.4.5
EDN IHUYRA

Научная статья

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ МИГРАНТОВ К СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ ПРИНИМАЮЩЕГО ОБЩЕСТВА

MANAGING THE ADAPTATION PROCESS OF MIGRANT FAMILIES TO THE SOCIAL ENVIRONMENT OF THE HOST SOCIETY

П. Н. Лукичев*

ORCID: 0000-0001-7018-8238

Н. Н. Ходжазода*

Pavel N. Lukichev*

Nazari N. Khojazoda*

* Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

* Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Целью исследования является анализ проблем, связанных с миграцией и адаптацией мигрантов к языковой и культурной среде принимающей территории. Особого внимания заслуживают семьи мигрантов, значительная часть которых представляет так называемую «безвозвратную миграцию».

Objective of the study is to analyze the problems related to migration and adaptation of migrants to the linguistic and cultural environment of the host territory. Particular attention should be paid to migrant families, a significant part of which represents the so-called “irrevocable migration”.

Методологическая база исследования. Для анализа и конструирования системы управления процессом адаптации семей мигрантов к культурной и языковой среде страны пребывания были использованы информационно-коммуникативный, субъектно-личностный, интеракционистский, бихевиористский методологические подходы, культурологические приемы, а также метод «включенного наблюдения».

The methodological basis. To analyze and design a management system for the process of adaptation of migrant families to the cultural and linguistic environment of the host country, information and communication, subject-personal, interactionist, behaviorist methodological approaches, cultural techniques, as well as the method of “participant observation” were used.

Результаты исследования. Демографическая ситуация в современной России такова, что иммиграция является объективной ре-

Results of the study. The demographic situation in modern Russia is such that immigration is an objective reality. This requires targeted

---

© Лукичев П. Н., 2024

© Ходжазода Н. Н., 2024

альностью. Это требует целенаправленного управления миграционными потоками, чтобы избежать негативных последствий в виде обострения социальных отношений между мигрантами и населением принимающей территории. Специфическим объектом управления выступает адаптация к новой культурной и языковой среде семей мигрантов, поселяющихся на долговременной основе в стране пребывания, особенно детей из этих семей. Большая часть мигрантов приезжает в Россию из бывших советских республик Средней Азии, где доминирующей религией является ислам. Однако здесь получили широкое распространение идеи радикального ислама и «исторические мифы» националистической окраски, которые мигранты приносят с собой. Нацеленные на молодежную среду, эти идеи оказывают негативное воздействие на межнациональные отношения, что определяет необходимость тщательной работы с молодежью из семей мигрантов.

Перспективы исследования. Данная статья может помочь в принятии правильных решений и программ для адаптации семей мигрантов к социальной среде принимающего общества.

Ключевые слова: миграция, адаптация мигрантов, культурная и языковая среда, инкультурация, управление миграционными потоками, управление процессом адаптации

management of migration flows in order to avoid negative consequences in the form of aggravation of social relations between migrants and the population of the host territory. A specific object of management is adaptation to the new cultural and linguistic environment of migrant families settling on a long-term basis in the host country, especially children from these families. Most migrants come to Russia from the former Soviet republics of Central Asia, where the dominant religion is Islam. However, the ideas of radical Islam and “historical myths” of nationalistic coloring, which migrants bring with them, have become widespread here. These ideas, aimed at the youth environment, have a negative impact on interethnic relations, which determines the need for careful work with young people from migrant families.

Research perspectives. This article can help in making the right decisions and programs for the adaptation of migrant families to the social environment of the host society.

Keywords: migration, adaptation of migrants, cultural and linguistic environment, enculturation, management of migration flows, management of the adaptation process

Введение

В истории человечества вряд ли существовала эпоха, когда бы не происходила миграция населения. Даже аграрные общества, отличавшиеся оседлостью, в действительности не оставались абсолютно локализованными в одном и том же месте и либо перемещались со временем на новые территории, либо расширяли сферу своей агроколониализации. Такие перемещения неизбежно сопровождалось взаимодействием с другими народами, иными по языку и культуре. Конечно, каждое историческое время отличалось спецификой миграционных процессов. Своя специфика есть и в современном мире, более того – существуют и региональные особенности миграций, в том числе и миграционная динамика современной России.

Со стороны демографических показателей, в общем случае миграционные потоки направлены из регионов с большей скоростью прироста населения (e^k) в области с меньшей скоростью. В частных случаях – из областей с большим коэффициентом рождаемости (k_n) на территории с меньшим уровнем рождаемости, а также – из областей с большим коэффициентом смертности (k_m) на территории с меньшей смертностью (Лукичев, 2017. С. 257–258). В специфической ситуации, каковой выступает сегодня динамика миграционных потоков, мы имеем множество понятий, характеризующих миграцию: «беженцы», «перемещенные лица», а также сезонная, маятниковая, безвозвратная, временная, челночная, постоянная, экономическая, вынужденная, добровольная, экологическая, городская, сельская, внешняя, международная, внутренняя, трудовая миграция (Рязанцев, 2018).

Методология исследования

Взаимодействие мигрантов между собой и населением принимающей территории требует использования информационно-коммуникативного и субъектно-личностного методологических подходов, наряду с идеями интеракционизма и необихевиоризма. Включение мигрантов в новую для них культурную среду и сохранение в то же время традиционных форм жизнедеятельности делает необходимым применение культурологических приемов анализа. Поскольку один из авторов статьи является уроженцем и гражданином Таджикистана, активно использовался метод «включенного наблюдения».

Обсуждение

Росстат за период январь – ноябрь 2023 года показывает количество мигрантов, приехавших в Российскую Федерацию, в объеме 4 051 538 человек, в то же время покинувших Россию – 3 846 909 человек. Тем самым разность составляет 204 629 человек. Сравнение с 2022 г. показывает, что динамика прироста числа мигрантов является положительной, поскольку в 2023 г. прибыло на 9 572 человека больше, чем в 2022 г.¹ Особенностью данного миграционного процесса является то, что значительная доля прибывающего населения приходится на среднеазиатские страны СНГ. При этом разность приехавших и вернувшихся на родину для этой категории мигрантов представлено соотношением 324 493 к 219 249. Тем самым число оставшихся или задержавшихся в стране – 105 244. Большая их часть – 76 749 – граждане Таджикистана, и примерно столько же – 76 262 – граждан Таджикистана осталось в России в предшествующем году. Из их числа 20–23 % оседают в Российской Федерации, получая ее гражданство. Иначе говоря, эта часть представляет собой «безвозвратную миграцию», которая осуществляется не

¹ Социально-экономическое положение России // Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-12-2023.pdf> (дата обращения: 27.05.2024).

индивидами с целью получения временного заработка, а семейными людьми, переселяющимися всерьез и надолго, если не навсегда.

Между тем в случае безвозвратной миграции, по каким бы причинам она ни происходила, острым вопросом, прежде всего, оказывается проблема адаптации детей мигрантов, если был осуществлен семейный переезд на принимающую территорию. В равной мере в случае образовательной миграции обучающиеся оказываются в новой для себя культурной среде, даже если неплохо владеют языком страны пребывания. Конечно, эта проблема является общей для стран, принимающих миграционные потоки, но в России она имеет свою специфику. Если мы берем меньшую группу «безвозвратной миграции» (от Азербайджана до Узбекистана), то она представлена в большинстве своем носителями тюркских языков, которые по своей морфологии являются агглютинативными. Поскольку за последние тридцать лет в среднеазиатских странах преподавание русского языка и на русском языке постепенно сворачивалось, для детей этих мигрантов первостепенной задачей выступает языковая адаптация. Однако таджикский язык является индоевропейским, флективным по своей морфологии, что облегчает языковую адаптацию к русскоязычной среде пребывания. Но тогда на первый план выступает проблема культурной адаптации, что выражается в обострении столкновения религиозных установок, воспитанных с младенческих лет, с культурными установками страны пребывания – России, страны поликонфессиональной с установками на взаимоуважительное отношение к представителям различных вероисповеданий (Бедрик, Стукалова, 2016). Учитывая широкое распространение в странах Средней Азии идеологии экстремистского течения в исламе, следует признать ее мощное воздействие на умы подрастающего поколения. Собственно, пропаганда экстремизма и направлена в первую очередь именно на подростков с их неустойчивой психикой, особенностями гормональных процессов и отсутствием собственного жизненного опыта, что облегчает усвоение ими радикальных воззрений.

Наряду с этим и еще более острой проблемой является состояние системы образования. Общая для всех стран бывшего СССР тенденция состоит в снижении уровня знаний молодого поколения, но для среднеазиатских республик это еще сопряжено, так же как это было на Украине, с пересмотром исторического прошлого данных территорий в составе Российской империи и Советского Союза. Учебники истории для средней общеобразовательной школы и высших учебных заведений, изданные в основном при поддержке Фонда Сороса, содержат искаженную информацию о роли России в рамках Российской империи и СССР. Она представляется в виде некоего подвоя британской метрополии, которая выкачивала из своих колоний все, что только было возможно, обрекая населяющие их народы на голод и нищету. Это принципиально несправедливо, поскольку дело обстояло как раз наоборот: в ущерб населению РСФСР для выравнивания экономик и социальной сферы

национальных республик средства направлялись на их развитие – на развитие медицины, науки, образования, индустрии, сельского хозяйства и пр., что привело к появлению национальной интеллигенции и национального самосознания в этих регионах. Равным образом извращается история Великой Отечественной войны, которая изображается как столкновение двух тоталитарных режимов – гитлеризма и сталинизма, как война чуждая интересам национальных республик, однако, с другой стороны, сформированные из представителей этих народов дивизии СС изображаются в качестве борцов за национальную независимость и освобождение от коммунистической колониальной империи. То же самое относится и к басмаческому движению в Средней Азии, которое представляется как национально-освободительное.

Надо отдать должное – в Таджикистане в наименьшей степени по сравнению с Казахстаном, Латвией, Эстонией в учебниках истории произошло (или происходит) искажение исторического прошлого¹. Правда, и здесь не обошлось без исторического мифотворчества – например, в учебнике для 5–6 классов средних школ утверждается, что первый огонь был добыт царем из династии пешдадидов, как об этом говорится в «Авесте», – и негативизма в отношении времени коллективизации, когда у бедняков отнимали скот для колхозов, и «необоснованных» репрессий, в результате которых пострадала таджикская интеллигенция (Калинкин, 2007. С. 33; Гафуров, 2007).

Насаждаемые исторические представления задают психологические установки, закрепляемые в сознании молодежи, которые поддаются в последующем изменению уже с большим трудом. Международной задачей Российской Федерации на постсоветском пространстве, таким образом, является всемерное оказание влияния на систему образования, и прежде всего исторического, с целью формирования общих идеологических установок и оценок в отношении прошлых и текущих событий мирового политического процесса. Не менее важным аспектом выступает возвращение русского языка и литературы в образовательный тренд постсоветского пространства. И то, и другое позволит облегчить адаптацию к культурно-языковым реалиям России как самих мигрантов, так и их детей. Во внешнеполитической работе российского государства в качестве одной из приоритетных задач выступает поддержка и расширение практики преподавания в среднеобразовательных учреждениях бывших советских республик на русском языке и по российским образовательным программам и учебникам. То же относится и к высшему образованию, осуществление которого может быть организовано через филиалы учреждений высшего профессионального образования, тем более что в современных условиях наличествующие технические средства позво-

---

¹ Материалы международной конференции по проблемам преподавания истории в странах СНГ, Латвии и Эстонии, 11–12 декабря 2007 г. М.: Ин-т диаспоры и интеграции (Ин-т стран СНГ), 2007. 126 с.

ляют использовать дистанционную форму обучения. Таким образом, по сути, необходима система преадаптации будущих мигрантов к культурной и языковой среде принимающей российской территории.

Вернемся, однако, к тому, что происходит сегодня в России. Миграционная активность, как было отмечено выше, нарастает. Уезжающие из родной страны делают это не от хорошей жизни, но в поисках, естественно, лучшей доли. Часто причиной являются войны, утрата имущества или низкий уровень жизни, отсутствие работы и возможностей для приличного заработка на родине, но, приезжая в другую страну, мигранты оказываются в состоянии стресса, поскольку сталкиваются с языковым барьером, культурными различиями, отсутствием социальной поддержки. Это порождает разочарование и раздражение, так как их представления о желаемом входят в противоречие с действительным, что особенно тяжело переживается в случае «безвозвратной миграции», которая по большей части является семейной. Последнее означает, что вместе с родителями на принимающую территорию прибывают их дети разного возраста. И сразу же на первый план выходят базовые потребности (в определении А. Маслоу), занимающие в иерархии потребностей самые первые этажи – проблемы жилья и еды (Маслоу, 2006). Однако даже если эти потребности могут быть удовлетворены, вдруг оказывается, что происходит это отнюдь не в привычных культурных формах. Результатом является то, что прочие потребности отходят на второй план, а среди них и проблема инкультурации детей мигрантов, их вхождения в образовательную среду и школьный коллектив. При этом естественное раздражение от неудовлетворенности, неустроенности, несоответствия воображаемому идеалу направляется на представителей местного населения, как будто они виноваты в безысходном положении мигрантов.

Так, включенное наблюдение за мигрантами из Таджикистана показывает, что многие семейные пары не склонны к тому, чтобы их дети получали равноценное с русскоговорящими детьми образование. Проблемы материального обеспечения заставляют использовать детей на нелегальных работах, что исключает регулярное посещение ими школьных занятий. Само собой разумеется, это препятствует интеграции детей в новую для них социальную среду и в целом затрудняет адаптацию всей семьи к принимающей территории.

Если сравнивать с ситуацией за рубежом, то обращает на себя внимание, что там достаточно часто встречаются ситуации, когда дети мигрантов не посещают школы по настоянию самих родителей¹. Но дело-то в том, что подобное не является исключением и в России. Исповедующие радикальный ис-

---

¹ Child Protection Working Group with The Education Cluster and ILO (2015). NO to child labour YES to safe and quality education in emergencies. Retrieved from: https://resourcecentre.savethechildren.net/node/9156/pdf/cl_and_education_in_emergencies_final_web.pdf (дата обращения: 23.04.2024).

лам мигранты придерживаются той точки зрения, что с детских лет мальчики должны привыкать к своей роли «добытчика», обеспечивающего семью, и с «младых ногтей» уже обязаны приносить в семью дополнительный доход, даже если это противоречит действующему в принимающей стране законодательству. Беда, конечно, что эти дети не получают должного образования, но ведь они еще и неизбежно сталкиваются с представителями преступного мира, соприкасаются с наркодельцами и сами включаются в торговлю наркотиками и их потребление. Естественно, что в будущем они станут социальной проблемой, бороться с которой будет очень сложно. С другой стороны, в таких ультрапатриархальных семьях с радикальными исламистскими установками пренебрежительно относятся к обучению в школе девочек, полагая, что их место дома – в семье для помощи матери по уходу за младшими братьями и сестрами. В последующем в раннем возрасте их выдадут замуж, получив при этом калым, но таким образом они окажутся полностью лишенными возможности получить хоть какое-то образование (Омельченко, 2018).

Между тем еще в сентябре 2015 года на 70-й Генеральной ассамблее ООН была утверждена новая Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 г. Данный документ предусматривал семнадцать глобальных целей и 169 вытекающих из этого задач. «Четвертая» из этих целей предусматривает «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»¹. Это означает, что во всем мире все образовательные учреждения должны обеспечить достижение этой цели. Следовательно, в отношении детей мигрантов государственные органы и образовательные учреждения должны выступать в качестве субъекта управления процессом их адаптации. Нельзя сказать, что данная задача не является осознанной на самом высоком уровне. Президент Российской Федерации Владимир Путин на заседании совета по международным отношениям указывал: «Количество детей мигрантов в наших школах должно быть таким, чтобы это позволяло их не формально, а фактически глубоко адаптировать к российской языковой среде. Но не только к языковой – к культурной вообще, чтобы они могли погружаться в систему наших российских ценностей»².

Негативный опыт стран Европы и США по приему и мультикультурной интеграции мигрантов в принимающее общество должен быть оптимально учтен (Ломакина, 2015). Прежде всего это относится к нежелательности

---

¹ Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития. – URL: <http://www.geogr.msu.ru/science/projects/our/docs/index.php> (дата обращения: 13.02.2018).

² Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар». – URL: <https://khovar.tj/rus/2021/03/putin-zayavil-o-neobhodimosti-regulirovaniya-chisla-detej-migrantov-v-rossijskih-shkolah> (дата обращения: 23.04.2024).

организации национальных гетто – в виде плотного поселения в одном месте представителей какого-либо этноса. Конечно, существует естественное стремление людей к объединению по этническому принципу, и этот путь является наиболее вероятным, поскольку человеку свойственно стремление к облегчению своего социального бытия, экономии своей биологической по сути энергии и существования в обществе с наименьшими затратами усилий. Этнически локализованные поселения предоставляют такую возможность: нет необходимости осваивать язык принимающей страны в полном объеме, менять культурные формы удовлетворения витальных потребностей, сохраняя их в привычном виде. К тому же территориальная близость людей, имеющих общий язык и культуру, обеспечивает моральную и материальную поддержку семей мигрантов. Однако подобная гетторизация становится мощным барьером, препятствующим инкультурации мигрантов, их адаптации к социальной среде принимающего общества. В еще большей мере это сказывается на детях мигрантов. Если взрослые члены семьи вынужденно включены в социально-экономические процессы страны пребывания, что заставляет общаться с местным населением на его языке, принимать и воспроизводить культурные формы его жизнедеятельности (Мукомель, 2017), то дети из семей мигрантов в случае территориального объединения, по причине особенностей детской, подростковой, юношеской психологии – это уже ганг, проявляющий совместное делинквентное поведение и находящийся в деструктивном взаимодействии с окружающей средой, и прежде всего с коллективом сверстников из числа местного населения.

Указав на остроту проблемы и на то, чего не следует допускать при осуществлении ее решения, видимо, надо сказать и о том, что можно сделать. К сожалению, все предлагаемые рецепты носят характер общих рекомендаций, лишенных конкретики. Например, понятно, что следует разработать программу адаптации семей мигрантов к языковой и культурной среде российского общества. Вопрос – в конкретном насыщении и практической реализации такой программы. Очевидно, осуществляемые административные действия по установлению определенного уровня владения языком и знания истории и культуры России являются справедливыми, но явно недостаточными для адаптации «безвозвратных» мигрантов, да и мигрантов вообще к культурной среде страны пребывания. Думается, что адаптация вообще-то должна быть взаимной, т. е. население принимающей стороны, особенно же специалисты по работе с мигрантами должны быть осведомлены об их социальных, психологических, языковых проблемах и иметь основательные знания об истории и культуре стран – источниках миграции. Между прочим, это относится и к активистам «Русской Общины», получившей в последнее время организационное оформление и осуществляющей в целом позитивную, но иной раз неграмотную, деятельность по предупреждению неадекватного поведения мигрантов.

Заключение

Поскольку в перспективе не предвидится уменьшение миграционного притока населения на территорию России, стоит рассмотреть вопрос о специализированной подготовке учителей школ по работе с детьми мигрантов, и, между прочим, с их родителями, которые должны быть вовлечены в образовательный процесс, как это принято в российских школах, что обеспечит возможность обратной связи (Погребницкая, 2015. С. 106–107). Конечно, это опять же увеличивает нагрузку, лежащую на школьных учителях и требует возвращения школе воспитательных, а не только выполнение образовательных функций. Однако, с другой стороны, это как раз принципиальный аспект функционирования российской экономики, по той простой причине, что система образования – это не сфера услуг, это – сфера производства, производства главной производительной силы общества – людей, обладающих знаниями, навыками получения новых знаний и их практического применения, и обладающих не только знаниями, но и высоким моральным обликом. Соответственно в социально ориентированном государстве «...народный учитель должен быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял...» (Ленин, 1970. С. 365) на предшествующих этапах общественного развития, и «...к этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над всесторонней подготовкой его к действительно высокому званию и, главное, главное и главное – над поднятием его материального положения».

Список источников

Бедрик А. В. Институциональные практики регулирования антропогенных потоков и межнациональных отношений в регионе / А. В. Бедрик, Д. Н. Стукалова // *Философия права*. – 2016. – Т. 6 (79). – С. 32–38.

Гафуров А. М. Отражение истории советского периода в школьных учебниках Таджикистана периода Независимости / А. М. Гафуров // *Материалы международной конференции по проблемам преподавания истории в странах СНГ, Латвии и Эстонии, 11–12 декабря 2007 г.* – Москва: Ин-т диаспоры и интеграции (Ин-т стран СНГ), 2007. – С. 142–156.

Калинкин Г. А. Конструирование истории и поиск национального «прамифа» в рамках нациестроительства в постсоветском Таджикистане / Г. А. Калинкин // *International*

References

Bedrik A. V., Stukalova D. N. Institutional practices for regulating anthropogenic flows and interethnic relations in the region. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*. 2016; 6 (79): 32-38 (In Russ.)

Gafurov A. M. Reflection of the history of the Soviet period in school textbooks of Tajikistan during the period of Independence. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii po problemam prepodavaniya istorii v stranakh SNG, Latvii i Estonii, 11-12 dekabrya 2007 g. Moskva: In-t diaspori i integratsii (In-t stran SNG) = Proceedings of the international conference on the problems of teaching history in the CIS countries, Latvia and Estonia, December 11-12, 2007. Moscow: Institute of Diaspora and Integration (Institute of the CIS countries)*. 2007; 142-156 (In Russ.).

Kalinkin G. A. Construction of history and the search for a national “primary myth” within

Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Т. 6-2. С. 31–34.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Странички из дневника. 2 января 1923 года. Т. 45 / В. И. Ленин. – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 730 с.

Ломакина И. С. Проблемы мультикультурализма в сфере образования ЕС / И. С. Ломакина // Педагогика. – 2015. – № 2. – С. 118–126.

Лукичев П. Н. Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа / П. Н. Лукичев. – 2-е изд. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 324 с.

Маслоу А. Мотивация и Личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург: Питер, 2006. – 352 с.

Мукомель В. И. Мигранты на российском рынке труда: занятость, мобильность, интенсивность и оплата труда / В. И. Мукомель // Статистика и экономика. – 2017. – № 6. – С. 69–79.

Омельченко Е. А. Образование детей мигрантов как вклад в будущее // Исторические исследования. 2018. № 11. С. 62–70.

Погребницкая Е. М. Адаптация детей мигрантов в условиях образовательной организации / Е. М. Погребницкая // Пермский педагогический журнал. – 2015. – № 7. – С. 106–110.

Рязанцев С. В. Трудовая миграция в Россию: мифы и контраргументы / С. В. Рязанцев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2018. – Т. 26. – С. 718–729.

the framework of nation-building in post-Soviet Tajikistan. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 20-9; 6-2: 31-34 (In Russ.).

Lenin V. I. Complete Works. Pages from a Diary. *Moskva: Izdatel'stvo politicheskoy literatury = Moscow: Political Literature Publishing House*. 1970; 730 p. (In Russ.).

Lomakina I. S. Problems of Multiculturalism in the Sphere of Education of the EU. *Pedagogika = Pedagogy*. 2015; 2: 118-126 (In Russ.).

Lukichev P. N. General Theory of Social Dynamics: Foundations and Principles of Analysis. 2nd ed. *Moscow: RUSAINS*. 2017; 324 (In Russ.).

Maslow A. Motivation and Personality. *St. Petersburg: Piter*, 2006; 352 (In Russ.).

Mukomel V. I. Migrants in the Russian Labor Market: Employment, Mobility, Intensity, and Remuneration. *Statistics and Economics*. 2017; 6: 69-79 (In Russ.).

Omelchenko E. A. Education of children of migrants as an investment in the future. *Historical studies*. 2018; 11: 62-70 (In Russ.).

Pogrebitskaya E. M. Adaptation of migrant children in the context of an educational organization. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal = Perm Pedagogical Journal*. 2015; 7: 106-110 (In Russ.).

Ryazantsev S. V. Labor migration to Russia: myths and counterarguments. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Economics*. 2018; 26: 718-729 (In Russ.).

Для цитирования: Лукичев П. Н., Ходжазода Н. Н. Управление процессом адаптации семей мигрантов к социальной среде принимающего общества // Гуманитарий Юга России. – 2024. – Т. 13. – № 4 (68). – С. 81–91.

DOI 10.18522/2227-8656.2024.4.5

EDN IHUYRA

История статьи:

Поступила в редакцию – 04.07.2024

Одобрена после рецензирования –
30.07.2024

Принята к публикации – 02.08.2024

Сведения об авторах

Лукичев Павел Николаевич

Доктор социологических наук, профессор
кафедры конфликтологии и национальной
безопасности Института социологии
и регионоведения
Южного федерального университета
SPIN-код: 5266-4541
AuthorID: 371031
lukichev@inbox.ru

Ходжазода Назари Назри

Аспирант кафедры конфликтологии
и национальной безопасности
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета
confl_2006@mail.ru

Information about authors

Pavel N. Lukichev

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Conflictology
and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
lukichev@inbox.ru

Nazari N. Khojazoda

Postgraduate student of the Department of
Conflictology and National Security,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
confl_2006@mail.ru

*Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.*